

2008-3
1741 =

Леонид Михайлович Спирин:

Памяти историка, друга, коллеги

Казань

Казанский государственный университет

2007

Содержание

<i>Литвин А.Л.</i> Леонид Михайлович Спирин.....	4
<i>Спирин Л.М.</i> Сосо.....	9
<i>Галеева Л.И.</i> Изучение истории ВЧК в 1920-е годы.....	26
<i>Журавлев В.В.</i> К проблеме эффективности российских реформ: исторический аспект.....	31
<i>Козлов А.И.</i> О нацистской «теории» происхождения казачества (прошлое и современность).....	41
<i>Лейкин А.Я.,</i> Подболотов П.А. Учитель и наставник.....	50
<i>Литвин А.Л.</i> Современная историография ВЧК.....	67
<i>Малышева С.Ю.</i> Время истории в символике и мифологии раннесоветских «революционных празднеств».....	76
<i>Ненароков А.П.</i> Кефирная глава и шапокляк Павла Аксельрода.....	88
<i>Поликарпов В.Д.</i> Замазанная фигура.....	113
<i>Сальникова А.А.</i> Воспоминания детей о революции и гражданской войне в России: «расколота память».....	124
<i>Смирнова А.А.</i> События 6 июля 1918 года в Москве и левые эсеры Северной области.....	135
<i>Соболев Г.Л.</i> Апрельские тезисы В.И.Ленина на заседании Петербургского комитета большевиков 8 апреля 1917 г.	159
<i>Шелохаев В.В.</i> Штрихи к портрету Л.М.Спирина.....	169

«вчера» и «сегодня», противопоставляемых друг другу мрачного «прошлого» и светлого «настоящего», водоразделом между которыми выступал момент перехода власти к большевикам в Октябре 1917 г. Логикой нарратива вполне допускались нарушения темпоральной последовательности изложения событий. «Пространство»¹ в системе раннесоветских исторических мифов было не просто местом разворачивания метарассказа. Оно – так же, как и Время, было объектом присвоения, завоевания. «Победа» над Пространством и Временем была не просто образным выражением из советской песни 1930-х годов – «Мы покоряем пространство и время». Если победа над Временем означала конец истории и торжество Революции, то то же самое означало символическое присвоение Пространства – будь то условный захват «красными» «белой» площадки, произвольное манипулирование местом событий в ходе театрализованных зрелищ, или же вполне реальное праздничное преображение, маркирование и присвоение в ходе празднеств объектов городского пространства.

А.П.Ненароков

Кефирная глава и шапокляк Павла Аксельрода

Когда-то Леонид Михайлович Спирин учил нас не пропускать ни одного интересного документа, даже если он и не относится прямо к теме, над которой ты работаешь. Да и читать, по его подсказке, все попадавшие нам имзловские журналы, мы читали, стараясь не проморгать чего-либо интересного в тексте или на полях.

Авторитет Спирина зависел не от возраста и не оттого, что он поражал эрудицией и неременной глубиной. Что-то не сразу бросающееся в глаза выдавало в нем, человеке сугубо штатском, бывшего кадрового военного. Не выправка, не походка, даже не манера говорить. Скорей всего это была потрясающая собранность. Умение мгновенно принимать решение, видеть то, мимо чего другие проходили сотни раз.

¹ Подробней о репрезентации и использовании пространства в раннесоветской исторической мифологии см.: Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань, 2003. С. 183-245.

Когда короткое время нам довелось работать вместе, в полной мере его советами я воспользоваться не смог. Зато потом, на хлебах вольных никогда не упустил случае делать всё, как он говорил, что всегда приносило плоды неожиданные и иногда удивительные.

Так, публиковавшиеся в VI томе «Летописей марксизма» за 1928 г. главы из второго тома воспоминаний Павла Борисовича Аксельрода «Пережитое и передуманное» я смотрел в конце 90-х в читальном зале Государственной общественно-политической библиотеки, бывшей библиотеке Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Библиотеке удивительной и по комплектации, и по удивительному профессионализму сотрудников, всегда готовых придти к тебе на помощь.

При первом же прочтении упомянутых аксельродовских глав мне показалось, что они расходятся с рукописями. Видел я их в Российском Государственном архиве социально-политической истории. В делах первого директора Института Маркса и Энгельса Д.Б. Рязанова.

Впрочем, делами назвать их трудно. Сохранилось лишь несколько папок, непонятно как укомплектованных. Остальное в свое время работники соответствующего ведомства забрали при обысках после опалы Рязанова, но так и не вернули даже после его полной реабилитации. В одной из этих папок я и видел когда-то машинописную рукопись: Аксельрод П.Б. «ПЕРЕЖИТОЕ И ПЕРЕДУМАННОЕ», ч. II. Группа «Освобождение труда»¹. Согласно моим заметкам, которые я, по совету Л.М. Спирина, делаю всегда, чтобы и когда не читал в архиве, структура рукописи была такова: Глава 1 «Как ее встретили в революционной среде» (26 машинописных страниц – первый экземпляр, с карандашной правкой)²; затем Глава 4 «Глухие годы» (19 страниц машинописи)³; Глава 2 «Положение Группы в первые годы ее существования» (13 машинописных страниц)⁴; Глава 3 «Личные затруднения» (18 страниц)⁵. Почему глава 3-я оказалась последней, при первом просмотре не понял, и в моих записях это никак не комментировалось. И только, внимательно читая публикацию рукописи Ак-

¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.50. Д.103.

² Там же. Лл.25-52.

³ Там же. Лл.53-71.

⁴ Там же. Лл.72-82.

⁵ Там же. Лл.85-103.

сельрода в «Летописях марксизма», понял, что она подверглась пусть небольшой, но перекомпоновке. Глава 1 (с. 28-95) – «Как ее встречали в революционной среде» – дана, как у автора, первой¹. Затем почему-то сразу, как Глава 3-я, шел текст, озаглавленный «Положение Группы в первые годы ее существования»² (хотя в машинописном варианте – это глава на 3-я, а 2-я). Мало того, Глава 2-я, оставшаяся, правда, на месте, оказалась ошибочно поименована в качестве Главы 3-й, зато настоящей главы третьей – «Личные затруднения» в журнале не оказалось, только глава – «Глухие годы» – осталась под тем же 4-м номером.

Сначала я никак не мог понять принципов перекомпоновки, которую произвел Рязанов. Потом понял, что ему просто не понравилась глава «Личные затруднения» и он ее сначала в редакционном плане передвинул, а, может быть, и решил вернуть автору на доработку, а затем выбросил вообще. Хотя, вообще-то, инициатором всего этого мог быть и не Рязанов, а кто-то другой. В феврале 1925 г. Рязанову, согласно решению секретариата ЦК ВКП(б) официально запретили заниматься запланированным было изданием сочинений Аксельрода, включая и его воспоминания.

Словом, главу никто больше не правил, не сокращал, не пробовал публиковать отдельно. Она так и осталась бы неизвестной исследователям, если бы американский профессор Абрахам Ашер, историк России, не пересказал ее в своей книге об Аксельроде по материалам, найденным им в Международном институте социальной истории в Амстердаме³.

Поскольку в оригинальном варианте эта глава второй части «Пережитого и передуманного» еще никогда и нигде не публиковалась, позволю себе, в виде исключения, воспроизвести ее целиком.

Делаю это не только оттого, что надежд на переиздание воспоминаний Аксельрода в ближайшее время – никаких нет, но и для того, чтобы на практике подтвердить золотое правило Спирина: никогда не откладывая на потом то, что можно сделать сейчас.

¹ Летописи марксизма. Записки Института К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1928. Т. VI. С. 28-95.

² Там же. С. 96-103.

³ Asher A. Pavel Axelrod and Development of Menshevism. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972. Pp. 82-87, 270-271. К сожалению, профессор так и не смог вспомнить, в каком фонде и деле видел ее, оставив пока без ответа вопрос: что хранится в Амстердаме – рукопись или еще один из машинописных ее вариантов.

Аксельрод П.Б.

ПЕРЕЖИТОЕ И ПЕРЕДУМАННОЕ.

ч. II. Группа «Освобождение труда».

Глава 3-я. «Личные затруднения».

Здесь я позволю себе сделать небольшое отклонение – остановиться несколько на наших личных затруднениях.

В 80-е годы для нас очень остро стоял вопрос о средствах к жизни.

В.И. Засулич могла существовать кое-как лишь благодаря товарищеской помощи, которую с радостной готовностью оказывала ей, главным образом, благоговевшая перед ней учащаяся за границей русская революционная молодежь.

Но гораздо сильнее и острее испытывал нужду Плеханов. Я не мог бы теперь восстановить в точности конкретные условия его материального существования за эти годы. Мы жили в разных городах, мало писали друг другу о наших материальных невзгодах. И, обыкновенно, я узнавал об испытываемых Плехановым затруднениях лишь в самый критический момент, когда ему нужно было платить за квартиру или расплачиваться с неотложными долгами, а в кошельке у него было, по обыкновению, пусто.

В самом начале 80-х годов Плеханову улыбнулась возможность более или менее регулярного заработка в русских толстых журналах. Но после закрытия «Отечественных записок» и других прогрессивных изданий эта возможность исчезла. В этих непомерно тяжелых условиях Плеханов не переставал упорно и неутомимо теоретически работать и вести литературную и устную пропаганду. Этим он сам и группа «Освобождение труда» в целом обязаны были, в чрезвычайной мере, его жене, Р.М. Плехановой, ее самоотверженной энергии в борьбе с чрезвычайными материальными трудностями. Плеханов прекрасно сознавал это и, впоследствии, не раз говорил мне: «Без Розы никогда не стал бы я тем, чем я стал».

Неся на себе заботы о детях и хозяйстве, она одновременно училась, работала в клинике, готовилась к врачебной практике. К концу 80-х (или к началу

90-х) годов, благодаря ей материальное положение Плехановых несколько улучшилось. Семья переехала в более удобную квартиру, где Розалия Марковна могла принимать пациентов.

В это время среди русских эмигрантов в Швейцарии находились господа, позволявшие себе сплетничать о том, что «Плеханов живет, как буржуа». Но в действительности и теперь семья жила очень скромно и «буржуазность» ее обстановки выражалась лишь в том, что в квартире была прилично обставленная комната, в которой Розалия Марковна принимала больных, где и сам Плеханов мог работать в не приемные часы.

Что касается до меня лично, то борьба за существование заставила меня приняться за практическую работу, к которой я был меньше всего подготовлен и абсолютно не склонен. Чтоб объяснить, как это произошло, я должен вернуться к весне 1884 года, к тому времени, когда я приехал в Цюрих из Фрейбурга, после неудачных попыток выручить из тюрьмы Дейча¹.

Я вернулся домой с крайне расстроенным здоровьем, осунувшийся, исхудавший. Я чувствовал острый упадок сил, быстро утомлялся, почти не мог работать.

Все это очень тревожило мою жену. Сестра Плеханова, жившая в то время в Цюрихе, посоветовала ей лечить меня кефиром, — этим средством она сама лечилась и лечила своего мужа. Моя жена начала делать кефир для меня.

В то время в Западной Европе — а во всяком случае в Швейцарии — кефир был еще совершенно неизвестен, в России же это средство уже приобрело признание врачей, его усиленно пропагандировали проф. Подвысоцкий², Дмитриев и некоторые другие. А моя жена могла иметь некоторые представления, о его действии, благодаря тому, что она имела случай наблюдать действие кумыса, отличающегося от кефира, между прочим, тем, что он изготовляется не из коровьего, а из кобыльего молока.

В это время вопрос, чем жить, стал для нас крайне острым.

¹ Дейч Лев Григорьевич (1855-1941) — участник революционного движения с 1864 г., народник, с 1883 — член группы «Освобождение Труда», в 1884-1901 гг. на каторге, бежал. С 1903 — один из лидеров меньшевизма.

² Подвысоцкий Валериан Осипович (1822-1892) — профессор фармакогнозии в Казани.

Впереди литературного заработка не предвиделось. В России журналы, в которых я мог бы работать¹, уже были закрыты правительством, да и вообще прогрессивные издания гибли там одно за другим из-за цензурного гнета. Никакой практической, профессиональной подготовки у меня не было. И нам трудно было представить себе, какой заработок мог бы я найти в чужом городе, без деловых знакомств, без достаточного знания языка.

А между тем у нас было уже трое детей.

Моя жена уже прежде подумывала о том, чтобы открыть кухмистерскую и, таким образом, дать мне материальную возможность отдавать все время и все силы революционному делу и, в частности, литературно-революционной работе. Теперь, под влиянием моего лечения и того, что мы узнали из работ выше названных русских врачей о кефире, нам пришло в голову попытаться в приготовлении кефира на продажу найти материальный источник для нашего существования.

И вот в конце лета 1884 года она приступила к осуществлению нашего плана — самым примитивным образом, в крайне примитивной домашней обстановке — без всяких средств и не имея конкретного представления об элементарных условиях организации и ведения промышленного предприятия, которое впоследствии дало нам средства к существованию, но далеко не осуществило мечты моей жены: взять на себя всю работу и все заботы по ведению предприятия. На деле вышло так, что мы оба очень скоро оказались заняты по горло, и предприятие это в течение многих лет поглощало очень значительную часть и моих сил — к немалому ущербу моей партийной работе, являвшейся для меня жизненной задачей. Отчасти поэтому, а отчасти ввиду разных небылиц, распространявшихся некоторыми лицами, чуть не главным образом из вражды к группе «Освобождение труда» и во вред Группе «Освобождение труда»², — о моем тогдашнем материальном положении, в тех же приблизительно кругах, где ходили сплетни о буржуазной жизни Плеханова, я позволю себе расска-

¹ Примечание Аксельрода: Моей последней работой в легальных журналах в России была статья о теории Генри Джорджа, появившаяся в №№9 и 10 журнала «Дело».

² Последнее опечатано над строкой.

зять несколько об этом периоде моей жизни, в связи с развитием кефирного предприятия.

Наши расчеты на успех начатого нами дела основывались на том, что читали мы о кефире. Авторы, писавшие о нем, были восторженными поклонниками кефирного лечения. Очень может быть, что в их оценке дело не обходилось без преувеличений: быть может, они относили целиком на счет кефира результаты лечения, в котором кефир был лишь одним из факторов, а наряду с ним действовали и другие благоприятные условия: отдых, усиленное питание, свежий воздух и т.п. Но в то время мы этого не учитывали, и потому, вслед за профессором Подвысоцким и другими медицинскими авторитетами, мы прониклись глубочайшей верой в чудодейственную силу нашего продукта.

Нужно только познакомить цюрихских врачей с результатами кефирного лечения, думали мы, — и успех нашего предприятия будет обеспечен. И вот мы давали профессорам кефир на исследование и для наблюдений в общую университетскую клинику и в клинику для детей, предлагая его на испытание и отдельным врачам.

Результаты опытов оказались благоприятными.

Среди цюрихских врачей появился интерес к кефиру. Появились постепенно и заказчики. Но именно успех, сравнительный и возмужавший интерес среди врачей и публики к кефиру воочию показали нам невозможность ограничить наше дело кустарническими рамками и вести его домашними средствами: нам пришлось бы или совсем отказаться от дальнейшего ведения дела или придать ему размер и характер, диктовавшийся требованиями врачей и пациентов. А каждый шаг в сторону дальнейшего расширения предприятия ставил меня в необходимость все больше времени уделять ведению этого дела, которое далеко переросло рабочую силу моей жены.

Мы перебрались на другую, более подходящую квартиру. Обстановка ее была самая убогая, но во дворе подле нее была будочка-беседка. Мы сняли эту будочку (за 15 франков в месяц) и приспособили ее к подобию бюро для принятия заказов и т.п.

В то время на наших бутылочках уже красовались ярлыки с обозначением нашей фирмы: «Швейцарское Кефирное Заведение». Это нововведение мы предприняли по совету Германа Грейлиха¹, который составил для нас и текст бутылочных ярлыков.

Вообще, Грейлих, друг и соратник старого революционера Филиппа Беккера², основатель швейцарской социал-демократии, очень сблизился с нами, относился к нашим усилиям с самым теплым товарищеским участием и старался всячески помогать нам. Так, он надумал нас отпечатать проспект, излагающий необходимые сведения о кефире, и сам написал этот проспект по материалам, которые я перевел ему из русских медицинских книг.

Когда наше заведение обратило на себя некоторое внимание в Цюрихе, для меня стало вопросом самолюбия, — я сказал бы даже, — вопросом чести, — добиться более полного успеха.

У меня был перед глазами пример французских эмигрантов-коммунаров в Женеве, и я вспоминал, с какой гордостью один из наиболее выдающихся среди них, член парижской революционной коммуны, Лефрансе³, говорил мне и другим русским товарищам:

— Посмотрите на наших! Вот, мы приехали в Швейцарию, — и создали здесь новые отрасли промышленности.

Но это, конечно, был побочный мотив; главным же образом в решимости вести дальше дело — кроме личных материальных соображений — воодушевляла меня надежда, что наше предприятие станет экономическим базисом для группы «Освобождение труда». Я высчитал, что в случае упрочения «Швейцарского Кефирного Заведения» доходами его можно будет покрыть весь бюджет наших изданий. Но на этом моя фантазия не останавливалась:

¹ Грейлих (Greulich) Герман (1842-1925) — один из основателей швейцарской социал-демократической партии. С 1869 по 1880 редактировал в Цюрихе социал-демократическую газету «Tagwacht» («Часовой»), с 1890 — член цюрихского кантонального, а с 1902 — общешвейцарского парламента.

² Беккер (Becker) Иоганн Филипп (1809-1886) — немецкий рабочий, участник Баденско-пфальцского восстания 1849 г., один из организаторов немецких секций I-го Интернационала в Швейцарии.

³ Лефрансе (Lefrancs) Гюстав (1826-1901) — участник революции 1848 года во Франции, член I Интернационала, член Парижской Коммуны 1871 г.

еще немного усилий, – и кефир должен был дать нам средства для устройства побега из Сибири Стефановичу и Дейчу!

Ради таких перспектив стоило бороться с довольно таки большими и разнородными трудностями.

В этой борьбе нас поддерживали наши друзья, – Грейлих и, жившие в то время в Цюрихе, К. Каутский¹ и Э. Бернштейн², руководившие газетой «Социал-Демократ».

Между прочим, последние, шутя, предлагали мне свои портреты для плаката над киоском. Под портретом художавого, невысокого Каутского я должен был написать: «До кефирного лечения». А для плотного и довольно полного Бернштейна проектировалась подпись: «После кефирного лечения».

Чтоб помочь нам в нашей пропаганде кефирного лечения, Каутский, основываясь на фактах, которые я сообщил ему, написал в прославление кефира длиннейшую статью. Помещать ее в «Социал-Демократе», предназначенном для нелегального распространения среди рабочих в Германии, было бы явной бессмыслицей, и потому Каутский попытался пристроить ее в местной радикальной газете. Но и для швейцарской газеты довольно небольшого размера рукопись Каутского, посвященная столь специальному врачебно-диетическому вопросу, оказалась слишком объемной и не совсем подходящей, и статья не была напечатана.

Каутский, шутя, выражал готовность и по иному рекламировать кефир. Его как-то пригласили в Давос для реферата.

– Вот, что я сделаю, – говорил он перед отъездом, – начну читать и вдруг остановлюсь... Голос прервался, хватаюсь за грудь, чуть не падаю... Начинается беспорядок, кричат: «Доктора! Доктора!». А я шепчу через силу, – но так, чтобы все слышали: «Ке-фи-ру!». Мне подают стакан, я выпиваю, – и

¹ Каутский (Kautsky) Карл (1854-1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

² Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850-1932) – один из основателей и теоретиков германской социал-демократии.

вмиг от слабости нет и следа! Бодро, весело возвращаясь к своему лекторскому столику и полным голосом продолжаю свой реферат!

Каутский и Бернштейн оказали нам и реальную, очень чувствительную помощь.

Дело в том, что убогий вид нашей квартиры, служивший одновременно и складом для кефира, стеснял некоторых профессоров и врачей направлять к нам пациентов, которых смущала эта слишком уже неказистая обстановка. Профессор Вис, директор детской клиники, имевший большую практику, настоятельно советовал нам через студента, делавшего в этой клинике наблюдения над действием кефира, перейти в более приличное помещение и вообще придать более приличную внешность кефирному заведению.

Для нас встал очень серьезный вопрос. Мы и без того были кругом в долгах. Расходы росли. Нужно было платить за бутылки, и за ярлыки, и за лед в погреб, и за проспекты и объявления в газетах, и за развозку кефира по заказчикам. Хотя все это были гроши, но для нас эти издержки были совсем непосильны. Перемена квартиры сулила новые расходы и новые долги... И вот, Каутский и Бернштейн устроили нам заем. О том, насколько «грандиозно» было задуманное расширение, можно судить по потребовавшейся этой сумме – 500 франков.

Припоминая всю свою жизнь, я должен сказать, что никогда не приходилось мне работать до такой усталости, до такого изнурения, никогда не лежали на мне материальные заботы такой неумолимой тяжестью, как в эти годы, когда стал я «хозяином-собственником». Благодаря крайнему недостатку технических приспособлений, нам приходилось почти каждую ночь вставать по три-четыре раза, перетряхивать бутылки, перекладывать их, смотря по степени брожения кефира в них, из теплой температуры в умеренную или совсем холодную и, наоборот, перетаскивать их целыми корзинами в погреб и т.д. А нередко приходилось нам ночью дежурить, по несколько часов подряд, чтобы следить за процессом брожения.

Как-то Гельфанд (Парвус)¹ застал меня за таким переключением и встряхиванием бутылок. Некоторое время он следил молча за моей работой, а затем сказал:

– Будет Вам, Павел Борисович, выкачивать из себя «прибавочную стоимость».

Но несравненно сильнее, чем физический труд, донимали меня днем и ночью сверлившие мозг заботы и тревоги, где взять деньги для предстоящих платежей за ярлыки, объявления, проспекты? Сможем ли мы рассчитаться в срок с поставщиком молока? Большие всего я опасался перспективы банкротства, которое повлекло бы за собою высылку из кантона и скомпрометировало бы в глазах швейцарцев русскую эмиграцию.

Бессонные ночи, непосильный труд и, главное, непрерывные заботы, неприятности и полное несоответствие моего нового положения всему моему душевному складу и привычкам сильно подкосили мое здоровье. Именно в это время, среди бутылок спасительного кефира, нажил я, парализовавшие мою литературную работоспособность, неврастению и бессонницу, от которых с того времени страдаю.

На маленьком примере кефирного производства я сильно почувствовал, какая получается бессмыслица из-за того, что частное лицо должно принимать на себя все заботы и весь риск по производству общественно-полезного продукта; непроизводительная затрата сил, энергии и денежных средств; удорожание продукта; сокращение возможности его потребления для широких масс и, наряду с этим, вечные опасения, как бы все дело не вылетело в трубу. На собственной спине испытал я непосредственно, осязательно мерзость и нелепость капиталистического строя и крайне тяжелое и неустойчивое, часто прямо просто бедственное, положение мелкого буржуа.

Время от времени к нам заходил председатель цюрихского кантонального совета, большой любитель кефира. Иногда я говорил ему:

– Вы понимаете, что производство кефира – дело общепольное. Пусть кантон или город возьмет мое предприятие в собственность, а мне и жене предоставит только ведение дела за скромное жалование.

Председатель в ответ лишь разводил руками, – не могу, мол, ничего сделать. Впрочем, он, вероятно, и не мог представить себе, насколько было серьезно мое предложение. А, между [тем,] оно мне диктовалось не только трудностями моего материального положения, но и, если можно так выразиться, предрассудками русского интеллигента вообще и русского социалиста-интеллигента (по крайней мере в то время), в частности, против всякой торгово-промышленной деятельности.

Я никак не мог внутренне освоиться со своим положением «предпринимателя», никак не мог победить в себе предубеждений против торгово-промышленной деятельности, лично у меня, имевших свои корни в том периоде моей ранней юности, когда в моих глазах заслуживающим уважения являлась только исключительно духовная, умственная работа, чисто материальные интересы представлялись мне совершенно низменными.

Однажды я заговорил с Бебелем¹, который часто приезжал в Цюрих по делам «Социал-Демократа», о своем тяжелом нравственном состоянии, испытываемым мною в моем положении «предпринимателя».

Бebel в то время сам был в положении хозяина предпринимателя. Он имел токарную мастерскую, в которой работало человек 12 рабочих. В прежнее время он сам работал в ней и лично вел все дело. А затем, заведывание мастерской он передал своему компаньону, а за собой сохранил коммерческую часть – разъезжал по Германии, брал заказы. Эти разъезды служили ему и хорошим прикрытием для партийной работы во время господства исключительных законов².

В положении самостоятельных хозяев предпринимателей находились в Германии многие очень активные, преданные и даже видные члены социал-

¹ Гельфанд (Парвус) Александр Львович (1869-1924) – социал-демократ, меньшевик, в конце 90-х – начале 900 гг. работал в рядах социал-демократической партии Германии.

¹ Бebel (Bebel) Август (1840-1913) – один из виднейших деятелей германской социал-демократии и II Интернационала. По профессии рабочий-токарь.

² Слово «господства» вписано карандашом над строкой при вычитке текста.

демократической партии. Поэтому, мне казалось, что Бебелю чужды те чувства своего рода сильного нравственного недоумения, которые мне приходилось испытывать в своем новом положении.

— Вам, — говорил я Бебелю, — выросшему и воспитывающемуся в условиях европейской культуры, при господствующих в среде западных социалистов нравах и понятиях невозможно представить себе, как чрезвычайно тяжело для русского социалиста вести какое-нибудь торговое или промышленное дело. Теоретически я прекрасно понимаю, что до тех пор, пока существует буржуазное общество, никто не может добывать средства к существованию вне условий этого общества. Однако, хотя я и моя жена работаем гораздо больше тех 3-4 рабочих, которые заняты у нас развозкой кефира, причем, в то время, как они после работы перестают и думать о кефире, на нас с женой еще лежат разные работы да, сверх того, гнет забот, связанных для нас с делом, все же мы в своих собственных глазах являемся как бы представителями буржуазии.

— Я Вас понимаю, — отвечал Бебель, — и мне психологически нелегко дается положение предпринимателя.

Но, конечно, Бебель справлялся с деловыми заботами и легче, и лучше, чем мы с женою, а, главное, ему не приходилось переживать того морального гнета, который обуславливался, в последнем счете, моим интеллигентским (психологическим) отношением ко всякой торгово-промышленной деятельности и непосредственно питался постепенным разочарованием в возлагавшихся мною надеждах на кефир для всей нашей Группы.

Как я уже говорил, жена моя решила заняться кефиром специально для того, чтобы дать мне возможность посвятить свои силы всецело делу революции. Но с первых же шагов оказалось, что работа эта, даже в тех скромных размерах, в каких она нами предполагалась (мы рассчитывали максимум бутылочек на 50-60 в день), потребовала и моей помощи в таком размере, что очень скоро первоначальные предположения моей жены освободить меня от материальных забот оказались неосуществимыми.

Но, как я уже выше отметил, дело, наперекор нашим первоначальным намерениям, расширялось за кустарнические пределы. Это требовало от меня приложения все в большем и большем масштабе сил и инициативы в ведении дел.

Вместе с расширением дела у меня явилась надежда, что доходами с него можно будет, по крайней мере, покрывать расходы по издательской деятельности группы «Освобождение труда». Но и эта надежда через непродолжительное время рухнула.

Расходы и заботы увеличивались непропорционально доходам. Прошел еще целый ряд лет, прежде чем мы могли самым скромным образом существовать. При этом, начиная со второй половины 80- годов, с нами жили сначала товарищ Гринфест с двумя младшими братьями, а потом поселилась у нас сестра моей жены с мужем, Яковом Кальмансоном, приехавшими из России¹.

Для нас в это время было большой роскошью конское мясо. Тайком от (л. 95) прислуги — которая отказалась бы есть «эту гадость», если бы знала, что подается у нас на стол, — мы покупали конину второго сорта, которая стоила тогда в Цюрихе 25 сантимов за фунт, и были рады, что имеем хоть это мясное блюдо к обеду. Ел это мясо — благодаря нашей конспирации — и Кальмансон, хотя он не раз заявлял, что чем угодно готов питаться, но только конины не возьмет в рот. Его же жена и покупала ее — тайком от него и прислуги.

Таким образом, постепенно, нам пришлось распрощаться со своими надеждами на то, что мы работаем не только для покрытия своих материальных нужд, но и для всей группы «Освобождение труда».

Это, как я выше отметил, конечно, еще больше способствовало моему нравственному недоумению.

Если дело расширялось за пределы первоначально предположенных нами узких рамок, то этим мы в значительной мере обязаны отношением к нам не только близких товарищей, как Герман Грейлих, Каутский и Бернштейн, но и

¹Примечание Аксельрода: Это впоследствии все-таки до известной степени облегчало мне работу для партии.

местной обывательской массы, как чисто мещанской, так и интеллигентской, с профессорами и врачами во главе.

На каждом шагу мы встречали со стороны швейцарцев проявления внимания, деловой порядочности, уважения к нашему труду. Я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из швейцарцев попытался воспользоваться нашей неопытностью или проявил бы какую-нибудь грубость в случае какого либо упущения, как раз наоборот.

Приведу характерный пример.

В мае 1885 года внезапно выпал необычайно глубокий снег. Это чрезвычайно затруднило доставку кефира нашим заказчикам, так как доставка эта производилась самым примитивным способом в маленьких ручных тележках. Все наше внимание было поглощено заботой о своевременной доставке кефира, и, поэтому, мы не обратили на этот раз внимания на вкус доставленного молока. В результате мы начали получать письма от заказчиков, в которых указывалось на привкус в кефире, причем ни в одном случае не было проявлено недоверия, а в большинстве прямо подчеркивалось полное и безусловное доверие, и нам давались только советы для предупреждения таких случаев.

Например: одна швейцарка безупречно вежливым письмом, безусловно крайне деликатным человеческим тоном извещает нас, что кефир оказался с привкусом и спешит прибавить: «Я совершенно убеждена, что это произошло не по вашей вине, но считаю необходимым обратить ваше внимание на это обстоятельство».

В таком же духе нас предупреждали и другие клиенты, указывая нам, что причиной привкуса в кефире могло быть молоко от стельных коров, что мы, по неопытности, упустили из виду.

Если нам приходилось несколько раз испытывать некоторые неприятности в связи с делом, то это было, к сожалению, со стороны некоторых из наших соотечественников, со стороны кое-кого даже из тех русских, которые величали себя «социалистами», «революционерами» с претензией на звание народовольца.

В этой среде склонны были с презрением относиться к швейцарцам, считая их сплошь «филистерами», людьми корыстными и черствыми. Разумеется, они судили о швейцарской обывательской массе, сравнивая ее не с соответствующей средой в России, типы которой так ярко изображены Островским, а с той интеллигентской средой, к которой принадлежали сами.

К тому, что я рассказывал об отношении к нам швейцарцев, прибавлю еще один случай, происшедший довольно скоро после нашего приезда.

Мы жили тогда у Грейлиха около самого леса, на Цюрихберге. К нам приехала одна из сестер жены с двухлетней девочкой. Как-то старшие не углади за ребенком, и девочка исчезла. Ищут повсюду час, другой, — напрасно. Мать в отчаянии. Мы, как россияне, хотели дать знать полиции с обещанием вознаграждения отыскавшему ребенка. Но Грейлих нашел это совершенно нецелесообразным. Он обратился в соседние школы с извещением, что пропал двухлетний ребенок, — и вот в школах были прекращены уроки, и учителя нескольких школ вместе с детьми отправились искать малютку. Все сразу решили, что девочка заблудилась в соседнем лесу, — туда и направили поиски. Но до глубокой ночи не нашли следов ребенка. На другой день (это была суббота) с утра шел проливной дождь, но лес был полон школьниками и взрослыми, которые продолжали осматривать каждую ямку, каждый куст. Участвовали в поисках и почтенные обыватели, хозяева-ремесленники. Но ребенок, как в воду канул. Наконец, в воскресенье, один сапожник-подмастерье, в чаще леса, приблизительно в версте-двух от нашего дома, услышал слабый писк, — в углублении между лесных кочек лежала пропавшая девочка. Она еле-еле проявляла признаки жизни и подмастерье боялся взять ее на руки и лишь принялся кричать:

— Нашел! Нашел!

Эта весть с быстротой молнии передавалась гулявшими по дороге людьми из уст в уста, и через несколько минут мы уже знали, по этому живому телеграфу, что малютка отыскалась и что ее несут домой и каплямивливают в рот молоко. Все гулявшие в лесу, взрослые и дети, принимали участие в нашей радости, ликовали по поводу того, что удалось спасти ребенка, напере-

бой предлагали нам свои услуги – сбегать за доктором, приготовить ванну для девочки, и т.д.

А ведь мы были для них совершенно чужие люди, – чужие по национальности, по языку, по происхождению, да и по всем нашим привычкам!

Под такими впечатлениями от швейцарской обывательской массы и вспоминая черты соответствующей среды в России, мы с женой ясно чувствовали, до какой степени для нас психологически совершенно невозможно было бы вести такое дело в России.

Дал нам это вполне конкретно особенно почувствовать именно коренной русский клиент, живший в предместье Цюрих, единственный представитель этой среды, с которым нам пришлось столкнуться. Его претензии побудили нас заявить ему, что мы очень охотно отказываемся от «чести» иметь с ним дело.

Но, к сожалению, приходится признать, что в среде русской интеллигенции, которая даже претендовала на принадлежность к революционному лагерю, проявлялось иногда такое отношение к нам, от которого веяло «русским духом».

Вот одна из наших соотечественниц, считавшая себя народоволкой и только что получившая (довольно крупное по нашему масштабу) наследство в России, по случаю сбора на издательскую деятельность группы «Освобождение труда» заявляет: «Зачем собирать на издательскую работу Группы? Ведь Аксельрод, наверное, уже имеет десятки тысяч в банке и, следовательно, может сам покрыть расходы по Группе».

Это было в то время, когда мы выбивались из сил, и жили, если не впроголодь, то более чем скромно и в долгах.

Откуда же взялись такие представления о наших богатствах?

Мы посылали в русскую читальню некоторое количество бутылок кефира (доходило до 30-40 в день) частью по той же умеренной цене, по которой отпускали в клиники, врачам и членам рабочих союзов, а вообще предоставляли на совесть самих членов читальни, смотря по их материальному положению, платить по 10 сантимов (т.е. почти только за молоко), а очень нуждающиеся пользовались даром. И вот в один прекрасный день приходит к нам товарищ

Эфрон и говорит моей жене: «Какие вы дурни! Прекратите посылать кефир в читальню. Там это так понимают: конечно, уже при 10 сантимах Аксельрод зарабатывает, какова же должна быть прибыль при цене в 30-40 сантимов?». Отмечу мимоходом, что директор клиники и врачи, по рекомендации которых кефир отпускался по 30 сантимов, выражали нам постоянно благодарность, хотя, конечно, отлично понимали, что для нас очень важна та репутация, которую они нам таким путем создавали.

Объяснение, даваемое некоторыми русскими даровому или почти даровому отпуску нами кефира напоминает мне случай с славянофилом Киреевским¹, рассказанный Герценом². Однажды в имение к Киреевскому, владевшему конским заводом, приехал офицер для покупки лошади. Управляющий оценил торгуемую лошадь в 300 рублей. Когда Киреевский узнал об этой сделке, он заявил, что считает назначенную управляющим цену слишком высокой и назвал более низкую. Тогда офицер отказался купить эту лошадь, заявив, что раз сам хозяин находит нужным спустить цену, она, очевидно, ни на что не годится.

А в заключение приходит к нам через некоторое время одна швейцарская хозяйка и предлагает нам пустые кефирные бутылки, которые остались у нее после живших у нее русских, и требует по 35 сантимов за бутылку. В придачу к тому, что мы известное время давали большей частью даром кефир или за ничтожную плату, мы потеряли на пустых бутылках, за которые сами платили по 35 сантимов. Ради курьеза отмечу, что у швейцарки, принесшей нам пустые бутылки, как раз жила та самая госпожа, которая находила совершенно ненужным сбор на издательство группы «Освобождение труда», на том основании, что Аксельрод получает большую прибыль, и которая уехала не заплатив даже за выпитый ею кефир.

Я отвлекся в сторону от своего рассказа о том, как развивалось наше кефирное предприятие.

¹ Киреевский Иван Васильевич (1806-1856) – религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства.

² Герцен Александр Иванович (1812-1870) – писатель, философ, революционер.

Морального успеха мы достигли значительно раньше, нежели материального. Наша деловая непрактичность более чем компенсировалась для успеха нашего предприятия верою в полезность продукта и, если можно так выразиться, идеалистическим элементом, который давал себя очень чувствовать соприкасавшейся с нами швейцарской публике. Конечно, непосредственно вызвала к нам чрезвычайное доверие та щепетильность, с которой мы следили за процессом выработки и сбыта нашего продукта.

Мы через несколько лет приобрели такое доверие к нашей добросовестности и пониманию, что в бюро у нас стали появляться профессора, местные врачебные знаменитости, не стеснявшиеся советоваться с нами о применимости и дозах кефира в определенных случаях.

Ввиду того, что кефир нельзя сохранять, сбыт его ограничен местом его производства. Но зато репутация нашей фирмы за пределами даже Швейцарии побудила некоторых лиц обратиться к нам с просьбой разрешить им поучиться у нас производству кефира с целью начать подобное дело у себя. При этом они просили разрешения ссылаться на нашу фирму и пользоваться нашими проспектами, которые в это время уже содержали не только общие сведения о кефире, но и отзывы цюрихских врачей и профессоров.

За разрешение пользоваться нашей фирмой нам предлагалось вознаграждение, — обыкновенно несколько сот франков, а пару раз случилось по 1000 франков. Эти поступления дали нам возможность расплатиться, наконец, с кефирными долгами и выбиться из постоянной и крайней нужды.

Нелишне отметить, что все эти лица обязаны были по заключенному с нами контракту, вести дело с соблюдением практикуемых нами приемов. Но они, по-видимому, слишком уж по «коммерчески» шаблонно вели это дело, и, поэтому, несомненно, не долго просуществовали.

В течение 90-х годов, особенно начиная со второй половины их, дело пошло в материальном смысле настолько удовлетворительно, что мы уже не испытывали постоянной нужды. Правда, обиход наш вращался в таких скромных пределах, что мы могли себе позволить только крайне редко, да и то не

всей семьей, удовлетворять даже такие законные культурные потребности, как посещение театра или концерта.

Как выше я писал, под конец 80-х годов у нас жили зять Я. Кальмансон с женой и товарищ С. Гринфест с двумя младшими братьями.

Гринфест потом всецело вступил в наше дело, так что в 90-х годах это дало мне возможность посвящать больше времени своей партийной работе. Для меня было большим праздником, что когда в середине 90-х годов в Цюрих приехал Ленин, я смог на целую неделю уехать с ним в одну из окрестных деревень и спокойно все время обсуждать с ним занимавшие нас вопросы.

Но, тем не менее, кефирная цепь приковывала меня еще достаточно крепко до самого конца 90-х годов. Особенно запечатлелись мне два случая, в которых эта моя кефирная прикованность дала себя больно чувствовать.

В 1897 году я был приглашен на международный рабочий конгресс по охране труда. Мне нужно было выработать резолюцию для этого конгресса и обдумать речь для ее мотивировки. И это мне пришлось проделать в погребе в то время, когда должен был готовить кефир. И вот молоко текло мимо, на стол и пол, и я вернулся к действительности лишь тогда, когда оказался со всех сторон окруженным белым морем. А после обеда я должен был быть на заседании конгресса.

А вот другой пример моей кефирной связанности.

Летом 1900 года, по окончании своей ссылки, Ленин приехал в Швейцарию для переговоров с нами об общей литературной деятельности с ним, Мартовым и Потресовым. Ленин застал меня за работой в бюро, от которой я не мог освободиться в течение 3 недель. Вследствие этого наше общее совещание пришлось отложить до того момента, когда я смог выехать в Женеву, где уже меня ждали, кроме Плеханова, Ленин и Потресов. Можно себе представить, как тяжело было мне сознавать, что из-за меня затягивается совещание по такому важному партийному делу.

Разобравшись с кефирной главой, я вновь вернулся к журнальному варианту, придирчиво, по Спирину всматриваясь в каждую страницу. И вдруг обнаружил на том экземпляре «Летописей марксизма», с которым работал, что на полях опубликованных глав воспоминаний Аксельрода хранятся весьма любопытные карандашные пометы. Пришлось вернуться к началу, о чем никогда не пожалел, чтение оказалось прелюбопытнейшим. Как оказалось, текст содержал двойную правку.

Во-первых, минимальную, но весьма любопытную правку позволили себе уже издатели «Летописей марксизма», во-вторых, на том экземпляре журнала, который добыла мне мой друг и помощница Рая Гайнуллина, совершенно явственно видны были карандашные пометки по уже опубликованному тексту для какого-то дальнейшего сокращения. Автором их оказался не кто иной, как Геннадий Дмитриевич Обичкин, бывший в 1951-1962 гг. директором ИМЭЛ. Что это за указания сокращению и кому они предназначались, выяснила та же Рая. С помощью коллег из библиотеки она быстро установила, что все это адресовалось составителям (К.В. Соловьевой и Р.Г. Лебедеву) вышедшего в конце 60-х гг. сборника «Русские современники об Марксе и Энгельсе». Дальше – больше. Оказалось, что подготовленный по замечаниям Обичкина в 60-е гг. кусок текста из воспоминаний Аксельрода был использован и позже, во 2-й части сборника «Воспоминания об Марксе и Энгельсе» (составители Гаврильченко С.А. и Тартаковский Б.Г.), опубликованного в 1980 г. уже третьим изданием. Оба сборника выходили в Политиздате.

В главе «Глухие годы», взятой за основу всех этих публикаций, одним из центральных сюжетов является эпизод о его, Аксельрода, с Плехановым первой встрече с Энгельсом. Это живой, прекрасно написанный рассказ о том, как по приглашению Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского, обещавшего им кров, они отправились, почти совсем не имея денег, к нему в Лондон, ибо он посулил им устроить свидание с Энгельсом. Естественно, именно этот кусок воспоминаний и привлек внимание составителей из ИМЭЛа. И именно он уже в 60-е гг. подвергся ничем неоправданной правке, определенной руководящими

указаниями. Прежде всего, выброшенным оказался эпизод, предшествовавший отъезду из Парижа, где Аксельрод и Плеханов оказались участниками международного социалистического конгресса 1889 г.

Со сдержанным юмором Аксельрод поведал о том как перед самым выездом в Лондон приключилось с ним довольно смешное происшествие:

«Сидели мы как-то в кафе довольно большой товарищеской компанией. Плеханов обратил внимание на состояние моей соломенной шляпы, действительно отслужившей уже все сроки.

– Нельзя так ходить в Париже, – заявил он и предложил молодому знакомому Львову: – Вы местный человек, так возьмите его в магазин, купите ему шляпу.

– Какую? – переспросил Львов.

– Конечно, шапокляк, – ответил Плеханов шутя.

Но Львов не понял шутки и действительно купил шапокляк¹.

Львов выбирал, примерял мне шляпы, а я ограничивался тем, что подставлял голову для примерки. Наконец шляпа куплена. Я надеваю обновку, и мы возвращаемся к Плеханову, весьма довольные покупкой.

Плеханов при виде меня в новой шляпе воскликнул и набросился на Львова с упреками. Но дело было уже сделано. Так в шапокляке я и поехал в Лондон².

И именно напротив этого эпизода и стоит первая пометка: «Обичкин велел снять!».

Скорей всего этот кусок был выпущен не из-за шапокляка, тем более, что обойти ее, как увидим, не удалось. Просто он был не к чему, собирались материалы, касающиеся Энгельса, а это касалось лично Аксельрода и, в какой-то мере, Плеханова. Правда, вместе с шапокляком, отрезанной оказалась и венчающая этот отрывок великолепная зарисовка того, как Аксельрод и Плеханов жили в Лондоне:

¹ Шапокляк – складывающийся цилиндр.

² Летописи марксизма. Т. VI. С. 109.

«Степняк в это время работал над своим большим романом «Андрей Кожухов». Материальные дела его (в ожидании гонорара за роман) были очень плохи. Каждое утро он уходил куда-то занимать шиллинги. А нам говорил перед уходом:

– Вы тут подкормитесь ... по силе возможности.

Возможность выражалась главным образом в чае с хлебом»¹.

Затем и начинался собственно текст отобранный, согласно указаниям Обичкина, для перепубликации. Он и по сей день аккуратно отмечен простым карандашом: уголок наверху левой страницы и такой же, только перевернутый, после 12 первых строк – на правой. Тут же масса других рабочих пометок. Слово «шапо-кляк» при первом же упоминании обведено и некто, мне неизвестный, на полях тем же простым карандашом запишет: «В словаре вместе»².

На этом злоключения с шапокляком не кончились. При сверке с машинописным вариантом даже в публикации «Летописей марксизма» в 1928 г. оказались по абсолютно непонятным причинам выброшены целых две фразы, мы выделим их курсивом:

«Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь. Энгельс вышел в переднюю провожать нас. *Мой головной убор произвел на него впечатление, и он заметил:*

– Ну, однако, – шапокляк и без зонтика, вот вы каков!».

Итак, в первой же публикации осталось лишь восклицание: «Вот вы каков!». То ли Энгельса что-то восхитило в Аксельроде, то ли поразило, но в любом случае, что это было – осталось, как говорят кинематографисты, за кадром.

В публикации 1969 г. это было исправлено следующим образом:

«Ну, однако, – шапокляк и без зонтика, заметил он, обращаясь ко мне».

И так как все это без предыдущего рассказа о покупке злополучного шапокляка все равно повисало, была оставлена фраза из первоначального текста:

¹ Там же.

² Я проверил, слово это встретилось только в «Новом полном орфографическом словаре для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников», составленном Я.С.Хомутовым, под редакцией В.И.Гречанинова. Второе исправленное издание его вышло в 1929 г. (На обложке значится: Москва-МСМХХХ. Издание автора). Надо же было найти именно этот словарь, чтобы поправить предыдущего публикатора. Умели же работать в ИМЭЛе, когда им никто не мешал!

«Плеханов тут же в передней, рассказал ему всю историю моего шапокляка». Только вот, что это была за история, так и осталось читателям неизвестно¹. То же самое слово в слово повторилось и в сборнике 1988 г.²

Дальше – больше.

Еще напротив двух, специально очерченных абзацев, и сейчас можно увидеть: «Снято Обичкиным».

Вот первый из них:

«Каждый раз мы заставляли у Энгельса Шорлеммера (профессор химии в одном из английских университетов, в прошлом участник революции 1848 г., после поражения которой, тот эмигрировал из Германии – А.Н.), каждый раз на столе появлялась батарея пивных бутылок. Старики – Энгельс и Шорлеммер – принимались показывать нам, как нужно пить, и мы лишний раз убеждались, что в этом искусстве мы не можем тягаться с ними»³.

Ну, эту вивисекцию понять еще как-то можно: живописать «пьянство», хотя бы и пивное, в марксистских рядах в конце 50-х не допускалось.

А вот почему Обичкин снял еще один кусок текста – понял не сразу, таким безобидным он показался на первый взгляд:

«Услышав от нас о мерах, принимаемых царским правительством против распространения образования народа, Энгельс воскликнул:

– Вот придет война, – им неоткуда будет взять дельных офицеров!».

Потом сообразил, что конец 50-х – начало знаменитой школьной реформы, никаких намеков на то, что она могла бы иметь какие-либо отдаленные негативные последствия, допускать нельзя было. В изданиях 80-х гг. этот кусочек – реабилитирован.

Зато и в первом и во втором изданиях блистательно отсутствует упоминание о том, что Плеханов как-то при разговоре на общефилософскую или историческую тему задал Энгельсу вопрос о прошлой истории Китая. И тот, якобы, привел их в полное недоумение своим странным ответом:

¹ Русские современники о Марксе и Энгельсе. М., 1968. С. 93.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе. 3-е изд. М., 1988. Ч. 2. С. 67.

³ Летописи марксизма. Т. VI. С. 110.

— Ну-у-у! Ведь меня-то там не было!

«Мы, — написал Аксельрод, — в этом ответе почуяли симптом или проявление старости»¹.

Понять, что здесь больше всего смутило Обичкина, было трудно.

Может, Обичкина несколько покорибл легкомысленный тон ответа Энгельса о Китае? Отношения с КНР испытывались тогда на прочность, и помнить Китай все лишний раз не пристало.

Или упоминание о старости одного из основоположников?

Но о последнем позаботился еще предыдущий публикатор, поставивший в 1928 г. к прозвучавшему в другом месте этой главы утверждению Аксельрода о том, что Энгельсу к моменту их встречи «было уже за 70», весьма милую сноску: «В воспоминаниях Аксельрода об Энгельсе имеются некоторые ошибки. В 1889 г. Энгельсу еще не было и 69 лет». Аксельрод писал свой текст в том возрасте, когда прекрасно понимал, что разницы между 69-ю и последующими годами практически нет. Впрочем, если в издании 1969 г. это «весьма существенное уточнение» еще сохранено, то в 80-х гг. от него отказались, может, редакторы сами уже доросли до понимания, что «хрен редьки не слаще!»

Однако в «Летописях марксизма», через точку с запятой к данной сноске, было добавлено еще одно немаловажное суждение: «к изучению химии Энгельс приступил задолго до того, как вынужден был заняться критикой Дюринга», имея ввиду строки Аксельрода о том, что Шролеммер помог Энгельсу в изучении химии, за которую тот принялся, «готовясь подвергнуть критике систему Дюринга»².

Вот так!

Допустить, чтобы классиков обижали, пусть и не высказанным, подозрением в утилитарном подходе к овладению знаниями не годилось. Вероятно, поэтому в издании 1969 г. это трансформировалось уже в отдельную, но именно

¹ Там же. С. III.

² Там же.

от этого еще более категорическую сноску-указание: «К изучению химии Энгельс приступил раньше предпринятой им критики Дюринга».

Свой придирчивый, истинно спиринский текстуальный анализ я записал кефиром. Аксельрод вполне убедил меня в его пользе.

Интересно, удивит ли кого в наши дни, если выйду на дождь в шапоклке?

Наверное, нет, хотя мало кто знает, что это такое.

Еще меньше удивит кого-либо, если, будучи в Америке, встретят в витрине магазина высокую пластмассовую кефирную банку, на крышке которого значится «Axelrodkefir». Кому сейчас принадлежит эта товарная марка, не знаю, и надеюсь, что этот рассказ не будет воспринят как реклама, а как дань памяти и Л.М. Спирину, и времени, в котором нам всем приходилось некогда работать.

В.Д. Поликарпов

Замазанная фигура

Удел, кажется, всех великих исторических событий: одни их славят и ведут от них счет нового времени, другие проклинают и надеются вычеркнуть их из истории и повернуть все вспять. Но те и другие в кризисные моменты общественной жизни пристально всматриваются в прошлое, ищут в нем истоки настоящего и возможного будущего, задатки хорошего, предостережения от худшего.

Два века длится спор вокруг потрясшей весь мир Великой Французской революции, с баррикад и полей брани он перешел на страницы исторических сочинений, в публицистику и предания. В одном лишь терроре, беспощадном и бессмысленном, усмотрел главную суть той революции французский историк Ипполит Тэн, этим террором пугают новые поколения человечества последователи Тэна. Их описания революционного террора оспаривал наш замечательный историк академик Е.В. Тарле. «Представьте себе картину, — писал он в 1939 году, отмечая 150-летие взятия Бастилии, — которая показывала бы сцену жесточайшей, смертельной схватки двух бойцов; затем представьте себе далее, что фигуру одного из бойцов старательно замазали так, что фигура слилась с фоном и совсем исчезла с картины. Что получится? Пред вами будет метаться